

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ МЕТАФОР С ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мария Абрамович, Светлана Караваева

Шяуляйский университет, Гуманитарный факультет

В последние десятилетия метафора и механизмы ее построения стали объектом междисциплинарных исследований психологов, антропологов, социологов, политологов, культурологов и представителей прочих смежных наук; проводятся лингвистические исследования, посвященные функционированию и роли метафор в различных дискурсах: политическом, юридическом, экономическом, научном, спортивном, медицинском и т.д.

Ввиду быстрого развития деловых отношений на международном уровне и внутри конкретных стран юридический дискурс представляет особый лингвистический интерес. Язык официально-делового стиля и, в частности, подстиль законодательных актов коренным образом отличается от языка общего употребления.

Устойчивые выражения в лингвистике принято называть языковыми (лексическими/стертыми) метафорами. Наличие данных метафор является неотъемлемой частью и стилистической нормой любого официально-делового стиля.

Однако помимо универсального набора в официально-деловом стиле каждого конкретного языка используется свой специфический набор языковых метафор, отражающих культурно-исторические особенности развития данного народа, а также его языковую специфику, знание которых необходимо для переводчика.

Следовательно, анализ и сопоставление языковых метафор, выявление общего и различного, способов перевода метафор в двух неродственных языках является *актуальным* в изучении стилистики, теории и практики перевода, в том числе юридического, сопоставительного языкознания в целом.

Целью настоящего исследования явился анализ языковых метафор в деловом тексте и способов их перевода.

Выдвинутая цель детерминировала решение следующих **задач**: извлечение языковых метафор из деловых текстов (**на материале**: „Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos Baudžiamasis kodeksas“ и «Уголовный кодекс Литовской Советской Социалистической Республики»); структурный анализ выделенных в двух языках языковых метафор и сопоставление способов их перевода.

Фактический материал представлен в количестве 435 языковых метафор.

При проведении исследования использовались методы анализа научной литературы; сплошной выборки; дистрибутивного, компонентного, сопоставительного, статистического анализа.

Подязыковой метафорой мы понимаем *стереотипизированный оборот, метафорическая основа которого «стерлась» по причине частого использования данного оборота в речи; это – любая устоявшаяся фраза, термин, клише, идиома или фразеологический оборот.*

Значимую часть лексики деловых текстов составляют именно языковые метафоры, представленные в виде стандартизированных выражений и шаблонных фраз. Именно они являются «отличительным качеством языка закона, которое выделяет его из *повседневного языка* и придает ему особое положение даже в области *специальных языков*» (Garzone, 2000, с. 395).

П. Ньюмарк выделяет «одиночные», или состоящие из одного слова, и «распространенные» метафоры. К числу «распространенных» метафор автор относит «словосочетания, идиомы, предложения, аллегории, законченный художественный текст» (Newmark, 1988, с. 104). Поскольку любая «распространенная» метафора представляет собой, в первую очередь, словосочетание, для более подробного анализа структуры данных метафор мы воспользовались предложенной О. Б. Сиротининой классификацией, в которой автор выделяет двух-, трех- и четырехсловные словосочетания (Сиротинина, 1980, с. 30). Все выявленные нами языковые метафоры были разделены на однословные; двусловные; трехсловные; четырехсловные. Под *словом* мы понимаем любую знаменательную часть речи, поскольку «служебные слова не меняют структуры сочетания» (Labutis, 1994, с. 29–30).

Таблица 1. *Статистическая характеристика русских и литовских языковых метафор (ЯМ)*

Тип	Количество русских ЯМ	Количество литовских ЯМ
Однословные ЯМ	18	19
Двусловные ЯМ	301	303

Продолжение таблицы 1

Трёхсловные ЯМ	98	90
Четырёхсловные ЯМ	18	23

Для структурного анализа русских и литовских **двусловных метафор** мы воспользовались предложенной Н. С. Валгиной классификацией словосочетаний (Валгина, 1991, с. 35–37).

Таблица 2. Структурный состав литовских и русских двусловных языковых метафор (ЯМ)

Тип	Количество русских ЯМ	Количество литовских ЯМ
Двусловные субстантивные ЯМ	289	273
Двусловные глагольные ЯМ	11	28
Двусловные адвербиальные ЯМ	1	1
Двусловные адъективные ЯМ	-	1

Таким образом, в обоих языках преобладают двусловные *субстантивные* метафоры: *aborto padarymas* – производство аборта, *baudos išieškojimas* – взыскание штрафа, *bylos medžiaga* – материалы дела, *medžiagų palaidojimas* – захоронение веществ, *pinigų realizavimas* – сбыт денег, *prieglaudos teisė* – право убежища, *tardymo organai* – органы дознания и др.

Данное обстоятельство детерминировано, по-видимому, доминированием имени существительного в отношении других частей речи, с одной стороны, и морфологическими особенностями официально-делового стиля, с другой. М. Н. Кожина называет одним из наиболее типичных лингвистических признаков официально-делового стиля его именной характер: «частота употребления существительных здесь выше, чем в остальных функциональных стилях» (Кожина, 1983, с. 180). Причём значительную часть существительных, входящих в состав анализируемых языковых метафор, составляют отглагольные существительные, служащие для обозначения «лиц, предметов деятельности людей, их действий» (Голуб, 1989, с. 25): *išėikvojimas* – отчуждение, *išieškojimas* – взыскание, *padarymas* – совершение, *patraukimas* – привлечение, *pritaikymas* – применение и др. М. Н. Кожина акцентирует, что «отглагольные существительные и образованные от них устоя-

вшиеся обороты речи (синонимичные глагольному выражению) нередко ведут за собой цепь имен в родит. падеже» (Кожина, 1983, с. 180–181). Полученные нами результаты подтверждают данный тезис: значительную часть субстантивных языковых метафор составляют метафоры-сконструкцией «отглагольное существительное + существительное в Р.п.»: *baudos išieškojimas* – взыскание штрафа, *duomenų ragarsinimas* – разглашение данных, *medžiagų palaidojimas* – захоронение веществ и т.д.

72 % литовских двусоставных субстантивных языковых метафор и 65 % аналогичных русских языковых метафор имеют конструкцию «существительное + прилагательное»: *azariniai lošimai* – азартные игры, *darbinė mobilizacija* – трудовая мобилизация, *kooperatinė parduotuvė* – кооперативный магазин, *narkotinės medžiagos* – наркотические вещества и др.

Данная закономерность объясняется частотностью употребления имен существительных, поскольку «при именном типе речи, как правило, в тексте господствуют не только существительные, но и прилагательные. Отличительным признаком их употребления в разных функциональных стилях является преобладание относительных прилагательных в научном, официально-деловом стилях <...> обращение к относительным прилагательным в законодательных документах обусловлено необходимостью частого выражения в них отношений между лицами и государством, лицами и предметами и т.д.» (Голуб, 1989, с. 52): *komunalinis ūkis* – коммунальное хозяйство, *socialistinės organizacijos* – социалистические организации, *tarybiniai laivai* – советские суда и т.д.

Русские относительные прилагательные могут соответствовать в литовском языке как относительным прилагательным, так и именам существительным в родительном падеже.

Данную вариативность выражения относительных прилагательных в литовском языке К. Мустейкис трактует следующим образом: «В литовском языке сфера употребления родительного определительного гораздо шире, чем в русском. По своей функции литовский родительный совмещает в себе то, что в русском языке выражается относительными прилагательными» (Мустейкис, 1972, с. 77–78). Более того, использование только родительного падежа для выражения значения принадлежности часто обуславливается тем, что в литовском языке от определенных существительных отсутствует возможность образования прилагательных (Ibid.): *tardymo izoliatorius* – следственный изолятор,

pasienio ruožas / tarnyba – пограничная зона / служба и др.

Темнеменееврусском языке также возможно выражение принадлежности посредством родительного падежа существительного (Ibid.): *права граждан* = *гражданские права*. При этом в литовском языке используется эквивалентная фраза с конструкцией «прилагательное + существительное»: *права граждан* – *pilietinės teisės*.

Вторую по частотности группу среди двусловных метафор в обоих языках составляют **глагольные языковые метафоры**. В количественном отношении между русскими и литовскими глагольными языковыми метафорами наблюдается значительное расхождение. Основное несовпадение и трудность при переводе глагольных метафор заключается в наличии в литовском языке «особой неизменяемой отглагольной формы – падаливиса» (Мустейкис, 1972, с. 226) и в отсутствии её аналога в русском языке: *didžiai susijaudinus* – *в состоянии сильного душевного волнения*, *įjungiant į darbą* – *привлечение к труду*, *peržengiant būtinuosius ginties ribas* – *превышение пределов необходимой обороны и т.п.*

Литовский падаливис может выражаться в русском языке различными способами. Нами были выделены два способа перевода: замена падаливиса *предложно-падежным сочетанием* и замена падаливиса конструкцией «отглагольное существительное + Р.п. существительного».

В большинстве случаев они переводятся аналогичными конструкциями (в том числе, причастными и деепричастными формами): *pateisinti pasitikėjimą* – *оправдать доверие*, *sušvelninti bausmę* – *смягчить наказание*, *piktybiškai pažeidinėti* – *злостно нарушать* и т.д.

В ряде случаев наблюдается перевод глагольных метафор посредством субстантивных метафор: *atlikti prieveles* – *выполнение повинностей*, *išprovokuoti karą* – *провокация войны*, *pakirsti pramonę* – *подрыв промышленности*, *susilpninti valdžią* – *ослабление власти* и др. Менее одного процента в обоих языках составляют двусловные *адвербиальные* и *адъективные* языковые метафоры: *kaltininkui žinotai* – *заведомо для виновного*, *priešingas įstatymams* – *неправосудный*, *žinotai nekaltas* – *заведомо невиновный*.

При этом в переводе данных метафор с литовского языка на русский язык наблюдаются существенные расхождения. Так, литовская беспредложная адвербиальная метафора *kaltininkui žinotai* переводится на русский язык предложной конструкцией *заведомо для винов-*

ного с сохранением адвербиальной модели словосочетания.

При переводе адъективной метафоры *priešingas įstatymams* переводчик использует однословную метафору *неправосудный*. При этом сложная с точки зрения структуры основа данного субстантивированного прилагательного передает метафорический характер производящего словосочетания: *неправосудный* = *не + право + суд*.

Перевод метафоры *žinotai nekaltas* – *заведомо невиновный* является примером сохранения соответствия аутентичной и переводной метафоры в количественном и структурном аспектах.

Одно из главных отличий русского и литовского языков заключается в использовании *предложных* и *беспредложных* конструкций: «для русского языка характерны формы с омонимичными падежными флексиями. При падежной омонимии предлог является важным средством, помогающим определить падежную форму имени» (Горшкова и др., 1985, с. 309), поэтому анализ структуры двусловных предложных и беспредложных языковых метафор имеет важное значение для нашего исследования.

При переводе двусловных *предложных* метафор с литовского языка на русский язык более половины употреблённых предлогов совпадают в значениях. К. Мустейкис относит данные предлоги к группе *непроизводных* и *этимологически общих предлогов*: *be* – *без*, *iš* – *из*, *su* – *с* и др. Например: *asmuo be pilietybės* – *лицо без гражданства*, *kova su ligomis* – *борьба с болезнями*, *susiję su smurtu* – *связанные с насилием*, *grįžimas iš išstrėmimo* – *возвращение из высылки*, *išimti iš apyvartos* – *изъятые из обращения* и т.д. (Мустейкис, 1972, с. 251).

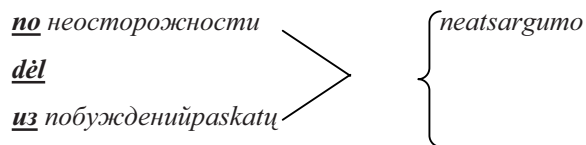
Характерно, что один и тот же предлог может использоваться для выражения различных синтаксических отношений (Ibid., с. 252). Ср.:

<i>iš išstrėmimo</i>	}	высылки
<i>из</i>		
<i>dėl paskatų</i>		

Приведенные выше словосочетания иллюстрируют разноплановые отношения: *iš išstrėmimo* – *из высылки* (пространственные значения), *dėl paskatų* – *из побуждений* (причинные значения), – для передачи которых в литовском языке актуализируются разные предлоги *iš* и *dėl*, а в русском языке – один предлог *из*.

В следующих примерах наблюдается обратный процесс: одинаковые синтаксические

отношения (причинные значения), выражаемые в литовском языке одним и тем же предлогом *dėl*, в русском языке реализуются при помощи разных предлогов *по* и *из*:

В большинстве случаев перевод предложных конструкций не вызывает затруднений, поскольку наблюдается совпадение в употреблении значений не только предлогов, но и падежей:

- *nuo* (ко?) – *от* (кого/чего?) = родительный п. (*nuo visuomenės – от общества*);
- *be* (ко?) – *без* (кого/чего?) = родительный п. (*be pilietybės – без гражданства*) и др.

Метафорические предложные конструкции, которые имеют фиксированную форму и в речи воспринимаются как единое, составляют семантически неделимое целое. Так, например, языковая метафора *atiduotas pagal laidavimą* переводится на русский язык эквивалентной устойчивой фразой *переданный на поруки*. В данном случае наблюдается несовпадение в употреблении предлога (*pagal – на*), поскольку дословный перевод предлога не представляется возможным вследствие неупотребительности конструкции *переданный по порукам*. Аналогично: *atsakyti už prievoles – отвечать по обязательствам*. По сравнению с предыдущим примером, в котором оба предлога требовали использования одинакового падежа при несовпадении в числе (*pagal* (ка?) *laidavimą* (В.п., ед.ч.) – *на* (что?) *поруки* (В.п., мн.ч.)), в данном случае литовский предлог *už* и русский предлог *по* управляют разными падежами: *už* (ка?) *prievoles* (В.п.) – *по* (чему?) *обязательствам* (Д.п.).

Интересным, на наш взгляд, является словосочетание *atleidimas iš pareigų*, которое может быть переведено двумя равноценными с грамматической точки зрения способами: *увольнение с должности* и *увольнение от должности*. Тем не менее приоритет в выборе *увольнение от должности* предопределён стилистическими и жанровыми особенностями текста.

Для русского и литовского языков характерно несовпадение падежей, употребляемых с предлогами. По утверждению Ю. Эльзбутаса (1985), наиболее последовательно подобные несоответствия наблюдаются при сопоставлении предложного падежа русского языка и местного падежа литовского языка: *laikymas daboklėje – содержание на гауптвахте*.

По мнению К. Мустейкиса, характерной чертой русского языка является увеличивающееся количество *отыменных предлогов*, которые в сочетании с отвлеченными существительными утрачивают «предметное значение и начинают выполнять функцию служебных слов» (Ibid., с. 251). Такого рода производные предлоги являются очень частотными в русском официально-деловом стиле: *с целью, в виде, в пределах, в ущерб, по месту, по истечении* и т.д. Для литовского языка производные предлоги подобного типа являются нерелевантными, вследствие чего они имеют в русском языке предложные эквиваленты посредством использования знаменательных частей речи: *laikantis terminų – в пределах сроков, interesams kenkti – в ущерб интересам* и т.д.

Еще одно отличие русского и литовского языков заключается в том, что в русском языке в отдельных случаях имена существительные требуют использования строго определенного падежа (сильное управление), в то время как в литовском языке им соответствуют только беспредложные формы (Ibid.): *надругательство над* (чем?) *могилой/флагом –* (ко?) *каро/vėliavos išniekinimas*

Отметим, что значительная часть русских двусловных предложных конструкций имеет беспредложные эквиваленты в литовском языке, некоторые из них – однословные. Так, многие характерные для официально-делового стиля русские языковые метафоры в литовском языке выражаются одним словом: *вступить в силу – įsigalioji, иметь на иждивении – išlaikyti, вступление в брак – susituokti, приведение в исполнение – įvykdyti* и др.

Трехсловные и четырехсловные языковые метафоры составляют около ¼ от общего числа метафор. Результаты являются аналогичными полученным при анализе *двусловных* языковых метафор. В обоих языках преобладают среди трехсловных и трехсловных языковых метафор также *субстантивные* метафоры: *piktnaudžiavimas tarnybine padėtimi – злоупотребление служебным положением, neatlikta baudmės dalis – неотбытая часть наказания, neklausymas teisėto reikalavimų – неповиновение законным требованиям, priverstinis neatlygintinis raėmimas – принудительное безвозмездное изъятие* и др. В трех- и четырехсловных метафорах также доминируют отглагольные существительные: *piktnaudžiavimas – злоупотребление, neklausymas – неповиновение, raėmimas – изъятие, atlikimas – отбывание, atleidimas – освобождение, atėmimas – лишение* и т.д.

Установлено незначительное количество глагольных *трех- и четырехсловных* языковых

метафор: *esantis bejėgiškumo būklėje* – находящийся в беспомощном состоянии, *atsižvelgdamas į bylos aplinkybės* – учитывая обстоятельства дела. При этом наблюдается несовпадение в количестве глагольных языковых метафор в русском и литовском языках: в литовском языке выявлено 16 глагольных трех- и четырехсловных метафор; в русском – 8. Аналогичные результаты были получены при анализе двусловных глагольных метафор. Преобладание глагольных языковых метафор в литовском языке объясняется более широким использованием глагольных форм, в частности падаливиса, отсутствующего в русском языке: *peržengiant būtinuosius ginties ribas* – превышение пределов необходимой обороны, *priėmus byloje nuosprendį* – после вынесения приговора по делу, *pasibaigus atidėjimo laikui* – по истечении срока отсрочки др.

К группе трех- и четырехсловных метафор также могут быть отнесены

- метафоры, обозначающие органы государственной власти и учреждения: *vidaus reikalų organai* – органы внутренних дел, *valstybės saugumo organai* – органы государственной безопасности, *viešojo maitinimo įmonės* – предприятия общественного питания и др.;
- метафоры, являющиеся терминами: *stabdomoji oro magistralė* – воздушная тормозная магистраль, *jūrų telegrafo kabelis* – морской телеграфный кабель, *Valstybinio banko bilietai* – билеты Государственного банка и др.

Отметим, что при переводе некоторых предложных метафор наблюдается полное соответствие: *pagal nuosprendžio vykdymo vietą* – по месту исполнения приговора, *savavališkas grįžimas iš ištrėtimo* – самовольное возвращение из высылки, *prekių paslėpimas nuo pirkėjų* – сокрытие товаров от покупателей, *veiksmi, susiję su smurtu* – действия, сопряженные с насилием. Тем не менее имеют место и существенные расхождения. Значительная часть литовских беспредложных метафор при переводе заменяется на предложные конструкции: *esantis bejėgiškumo būklėje* – находящийся в беспомощном состоянии, *itin stambiu mastu* – в особо крупных размерах, *patraukimas baudžiamojon atsakomybėn* – привлечение к уголовной ответственности, *Valstybinės vėliavos išniekinimas* – надругательство над Государственным флагом.

Особого внимания заслуживают случаи перевода языковых метафор, при которых происходит изменение количественного состава метафор: *švelnesnė bausmė* – более мягкое наказание, *civilinė metrikacija* – запись актов гражданского состояния, *pranešimas visuomenei* –

доведение до сведения общественности, *galioti atgal* – иметь обратную силу и др. Подобные изменения мотивируются собственно языковыми факторами, например, в русском и литовском языках наблюдаются расхождения при образовании сравнительной степени прилагательных: *švelnesnė bausmė* – более мягкое наказание, *griežtesnė bausmė* – более строгое наказание.

В большинстве случаев изменение количественного состава метафор, а также замена беспредложных конструкций предложными при переводе обуславливается стилевыми особенностями официально-деловой речи: в том числе использованием большого количества отыменных предлогов, стандартизированных оборотов и специальной лексики: *girtas* – находящийся в алкогольном опьянении, *laisvės atėmimo bausmė* – наказание в виде лишения свободы и др.

Однословные языковые метафоры представлены единичными примерами в обоих языках: 4 % от общего количества языковых метафор (18 – в русском языке; 19 – в литовском языке). Входящие в данную группу метафоры представляют собой с точки зрения морфемного состава сложные слова с метафорическим значением: *silpnaprotystė* (= *silpnas protas*) – слабоумие (слабый ум), *savavaldžiavimas* (*sava valdžia*) – самоуправство (сам управление). При переводе данная структура обычно не сохраняется: *vandens saugyklos* – водохранилища, *psichinis ligonis* – душевнобольной, *laivo vairavimas* – кораблевождение, *prekių žinovas* – товаровед, *blogos kokybės* – недоброкачественный и др.; *išlaikyti* – иметь на иждивении, *prašoma* – возбуждается ходатайство, *suėmimas* – заключение под стражу, *šaudmenys* – боевые припасы, *traukinys* – подвижной состав и т.д.

Таким образом, при переводе литовских языковых метафор на русский язык наблюдаются следующие структурные изменения:

- количественное изменение состава метафоры;
- замена беспредложных метафорических конструкций предложными;
- изменение при переводе категориальной принадлежности компонентов исходных метафорических словосочетаний;
- несовпадение морфологических категорий в анализируемых языках.

Выводы

Результаты анализа свидетельствуют о наличии значительных различий в граммати-

ческом строе сопоставляемых языков. Основная причина трудностей перевода заключается не в культурологической основе метафор, а в несовпадении грамматических категорий и способов их выражения в двух языках.

Наибольшие несоответствия нами установлены в употреблении предлогов, поскольку их использование ярко отражает национальную специфику языков. В русском языке преобладают омонимические падежные флексии, что детерминирует необходимость использования предлогов в качестве одного из средств выражения падежной формы имени. В свою очередь, в литовском языке предлоги употребляются только с конкретными падежами, что значительно сужает границы их функционирования. Именно данным обстоятельством объясняется несовпадение в количественном отношении предложных и беспредложных языковых метафор в обоих языках.

В литовском языке было выявлено количественное преобладание *глагольных языковых метафор* во всех четырех вышеуказанных группах, вследствие 1) наличия в литовском языке особой неизменяемой глагольной формы – падаливиса и 2) функционально–стилевых особенностей русских деловых текстов. Официально–деловой стиль русского языка отличается именным характером и активным использованием отглагольных существительных, имеющих в литовском языке глагольные эквиваленты, что детерминирует большую частотность актуализации субстантивных языковых метафор в русском языке. Установлено, что падаливис также переводится на русский язык предложно–падежными формами имени существительного.

Дистрибутивный анализ выявил, что $\frac{2}{3}$ субстантивных языковых метафор литовского и русского языков имеют конструкцию *существительное + прилагательное*. При этом были

установлены расхождения в способах актуализации относительных прилагательных в анализируемых языках: в литовском языке данным прилагательным могут также соответствовать имена существительные в родительном падеже.

Таким образом, на основании всего выше сказанного мы можем констатировать, что извлечённые из проанализированного нами литовского источника языковые метафоры имеют в русском языке точный и адекватный перевод. Установленные при переводе отдельные структурно–семантические трансформации обусловлены функционально–стилевыми особенностями официально–делового текста и языковыми различиями, что не оказало влияния на качество перевода.

Литература

1. Labutis V., 1994, *Lietuvių kalbos sintaksė. I dalis*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
2. Garzone G., 2000, Legal Translation and Functionalist Approaches: a Contradiction in Terms. *ASTTI/ETI (2000)*, с. 395–414. Доступ к Интернету: <<http://www.tradulex.org/Actes2000/Garzone.pdf>>
3. Newmark P., 1988, *A Textbook of Translation*. New York: Prentice-Hall International.
4. Валгина Н. С., 1991, *Синтаксис современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
5. Голуб И. Б., 1989, *Грамматическая стилистика современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
6. Горшкова К. В. и др., 1985, *Современный русский язык*. Вильнюс: Моклас.
7. Кожина М. Н., 1983, *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение.
8. Мустейкис К., 1972, *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Вильнюс: Mintis.
9. Сиротинина О. Б., 1980, *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва: Высшая школа.
10. Эльзбутас Ю., 1985, *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Шяуляй: Титнагас.

THE PECULIARITIES OF LINGUISTIC METAPHORS TRANSLATION FROM THE LITHUANIAN LANGUAGE INTO RUSSIAN

Marija Abramovič, Svetlana Karavajeva

Summary

Linguistic metaphors in legal texts and the ways of their translation were analyzed in the paper. They were analyzed basing upon the Criminal Code of the Lithuanian Soviet Socialist Republic and its translation into the Russian language. The peculiarities of the selected metaphors in legal texts were analyzed; the ways of their translation were studied; the comparative semantic, structural and statistical analyses were done.

The comparative analysis of the linguistic metaphors (frequently called clichés, patterns and phrases), their structure, translation and social-cultural context can reveal the nation's world-view of a certain historic period; provide comprehensive information about the differences and similarities of two languages.

The results of the conducted research showed that the main translation difficulties lied not in the cultural differences of the countries, but in the peculiarities of each language: use of the prepositions and cases, different frequency of usage of nouns, words with meaning of different volume in two languages etc. Moreover, there is no such a grammatical category as “padalyvis” (verbal adverb – a special invariable verbal form) in the Russian language.

Keywords: linguistic metaphor, legal text, semantic analysis, structural analysis, translation difficulties.

KALBOS METAFORŲ VERTIMO IŠ LIETUVIŲ KALBOS Į RUSŲ KALBĄ YPATUMAI

Marija Abramovič, Svetlana Karavajeva

Santrauka

Straipsnyje išanalizuotos dalykiniame tekste vartojamos kalbos metaforos ir jų vertimo būdai. Kalbos metaforos ištirtos remiantis „Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos baudžiamuoju kodeksu“ ir jo vertimu į rusų kalbą; analizuoti išrinktų metaforų vartojimo dalykiniuose tekstuose ypatumai, išnagrinėti jų vertimo būdai, atliktos lietuviškų ir rusiškų metaforų lyginamoji semantinė, struktūrinė ir statistinė analizės.

Kalbos metaforų, dažnai vadinamų klišėmis, šablonais ir formulėmis, struktūros, jų vertimo, sociokultūrinio konteksto lyginamoji analizė gali atskleisti tam tikro istorinio laikotarpio tautos pasaulėžiūrą, suteikti išsamią informaciją apie dviejų kalbų skirtumus ir panašumus.

Atlikto tyrimo rezultatai parodė, kad pagrindiniai vertimo sunkumai ne kultūriniai šalių skirtumai, o kiekvienos kalbos specifika: prielinksnių ir linksnių vartojimo ypatumai, skirtingas daiktavardžių vartojimo dažnumas, žodžių reikšmių apimčių nesutapimai dviejose kalbose ir t. t. Be to, rusų kalba neturi padalyvio gramatinės kategorijos.

Prasminiai žodžiai: kalbos metafora, dalykinis tekstas, semantinė analizė, struktūrinė analizė, vertimo sunkumai.

Įteikta 2011-06-07